

РАЗМЫШЛЕНИЯ ФРАНЦУЗА ВЪ ЕГО ВТОРОМЪ ОТЕЧЕСТВѢ. *)

Не ждите отъ того, кто имѣетъ честь выступатьъ передъ вами, рѣчи изысканной, блестящей по формѣ; это лишь простой призывъ къ вашимъ великодушнымъ сердцамъ. Вы найдете въ моихъ словахъ выраженіе тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя наполняютъ душу Француза, переживающаго въ Россіи эти торжественные часы, когда рѣшается судьба, жизнь и будущность его дорогого отечества. Условія, связанныя съ тревогой, мало способствуютъ той роли, которую вы отъ меня ожидаете. Съ той поры, какъ война потрясла Европу, сильнѣйшее волненіе охватило какъ васъ, такъ и меня, и эта общность состоянія духа доставить мнѣ ваше снисхожденіе.

Сердце Француза въ настоящихъ обстоятельствахъ переполнено тревогой, но оно полно также и надеждой. Общеніе этого Француза съ его Русскими друзьями удваиваетъ эту надежду, прибавляя къ ней ту, которая владѣетъ всей Россіей.

Однимъ изъ самыхъ значительныхъ явленій современной исторіи въ концѣ XIX и началѣ XX вѣковъ, является несомнѣнно союзъ Франціи и Россіи. Здѣсь мы должны вызвать въ памяти благородный обликъ Того, Кто былъ основателемъ этого союза—Того, Кто вложилъ руку Россіи въ руку Франціи, и Того Кто обратился прямо къ сердцамъ обѣихъ націй, чтобы соединить ихъ,—Кто въ своей

*) Баронъ де Бай, который былъ такъ добръ предоставить для напечатанія Русскому Архиву рѣчь свою, произнесенную 29 Октября въ Москвѣ, посвятилъ долгіе годы изслѣдованію древностей Русскихъ.

Эта рѣчь извѣстнаго Французскаго ученаго кажется намъ лучшимъ доказательствомъ братскихъ нерасторжимыхъ узъ, соединяющихъ два союзныхъ народа.

Считаемъ долгомъ выразить признательность Н. С. Познякову, любезно переведшему на Русскій языкъ рѣчь Барона де Бая.

П. Б. (младшій).

droiture et son intuition, prévoyait la nécessité d'obvier à la dangereuse omnipotence de l'Allemagne. Il nous semble que, de sa tombe, Alexandre III, ce grand monarque, voit son peuple aimé combattre, dans une lutte géante, pour la justice, pour le droit, pour la civilisation; que cet ami de la France voit la France aux côtés de la Russie; voit cette touchante fraternité d'armes de deux peuples qui, subitement arrachés à leur amour de la paix, ont subi la même menace, le même outrage, et se sont superbement levées pour défendre leur honneur menacé. Après avoir salué la mémoire vénérée d'Alexandre III, saluons également celle du Président Carnot qui a si bien correspondu aux vues de votre monarque et les fit entrer dans une voie d'application et de réalisation. Les fiançailles de cette union furent célébrées par les Marines française et russe à Toulon, à Paris, à Kronstadt. Il est superflu de vous narrer les phases, les développements, les progrès de cette oeuvre, vous les connaissez.

Tant en Russie qu'en France, j'ai, pendant 27 années, suivi avec le plus vif intérêt et une intention bien arrêtée de la servir, l'admirable conception d'Alexandre III. Si dans notre France une idée pénètre rapidement, il semble, dans votre immense empire, qu'il faille plus de temps pour sa diffusion. Durant mes missions scientifiques, tout en poursuivant mes études, je constatais les échos plus ou moins lointains des visites et des paroles mémorables échangées entre notre Auguste Souverain et nos Présidents de la République.

La semence que l'Empereur Alexandre III a confié à l'âme de nos deux peuples, l'Empereur Nicolas II l'a fait germer, l'a fait se développer, l'a fait grandir, l'a fait prospérer, plus encore l'a fait fleurir. Son nom, uni à celui de Son Inoubliable Père demeureront pour toujours aimés, vénérés en France et entourés d'une respectueuse admiration.

Je vous disais qu'en modeste ami, j'aimais à constater, tant dans mon pays que dans le vôtre, les faits traduisant l'union réciproque. Surpris par l'hiver, il y a longtemps de cela, je travaillais dans votre ville à étudier ses antiquités. Votre cher et savant historien, Mr Ilvoïsky m'avait invité à dîner. Le jour, je connaissais bien le chemin de sa demeure hospitalière, mais, dans la nuit sombre, je ne savais pas orienter mon isvostchik auquel j'avais simplement dit: Pimenovsky péréoulouk, dom Ilvoïsky, et mon cocher me conduisit Porte Rouge. Dans ce quartier, paraît-il, il existe aussi une rue du nom de Pimen. Mon automédon questionne de porte en portes les dvórniks qui tous répon-

прямотѣ и проникновенности предвидѣлъ необходимость отвратить опасное всевластіе Германіи. Намъ кажется, что Александръ III, Этотъ великій Монархъ, видитъ изъ своей гробницы, какъ его любезный народъ въ гигантской борьбѣ сражается за справедливость, за право, за цивилизацію; что Этотъ Другъ Франціи видитъ Францію бокъ о бокъ съ Россіей; Онъ видитъ это трогательное братство оружія двухъ народовъ, которые, оторвавшись внезапно отъ ихъ любви къ миру, перепесли тѣ же угрозы, тѣ же оскорбленія, и гордо поднялись, чтобы защитить свою честь, находящуюся въ опасности. Почтивъ обожаемую память Александра III, почтимъ также и память Президента Карно, который такъ хорошо отвѣтилъ видамъ вашего Государя и направилъ ихъ на путь исполненія и приложенія къ дѣйствительности. Помолвка этого союза была отпразднована французскимъ и русскимъ флотомъ въ Тулонѣ, въ Парижѣ и въ Кронштадтѣ. Излишне рассказывать вамъ ступени развигія и расширенія этого дѣла—вы ихъ знаете.

Я какъ въ Россіи, такъ и во Франціи въ теченіи 27 лѣтъ слѣдилъ съ живымъ интересомъ за замѣчательнымъ замысломъ Александра III, въ твердомъ намѣреніи служить ему. Кажется, что если въ нашей Франціи идеи проникаютъ быстро, то въ вашей огромной имперіи нужно больше времени для ихъ распространенія. Во время моихъ научныхъ поѣздокъ, продолжая въ то же время мои ученые труды, я замѣчалъ болѣе или менѣе отдаленные отзвуки посѣщеній и достопамятныхъ словъ, которыми обмѣнивались вашъ Августѣйшій Повелитель и наши Президенты Республики.

Посѣвъ, который Александръ III ввѣрилъ душѣ обоихъ нашихъ народовъ, Императоръ Николай II возлелѣвалъ, заставилъ развиваться, заставилъ расти, заставилъ благоденствовать—даже болѣе—заставилъ цвѣсти. Имя Его, вмѣстѣ съ именемъ Его Незабвеннаго Отца, навсегда останутся во Франціи любимыми, почитаемыми и окруженными почтительнымъ восхищеніемъ.

Я говорилъ вамъ, что, какъ скромный другъ, я любилъ находить, какъ въ моей, такъ и въ вашей странѣ, факты, показывающіе взаимное единеніе. Уже много лѣтъ тому назадъ, я, застигнутый зимой, работалъ въ вашемъ городѣ надъ изученіемъ его древностей. Вашъ дорогой и ученый историкъ, Пловайскій, пригласилъ меня къ обѣду. Днемъ я прекрасно зналъ дорогу къ его гостепріимному жилищу, но въ темнотѣ ночи я не смогъ направить моего извозчика, которому я просто сказалъ: Пименовскій переулочъ, домъ Пловайскаго. Мой возница повезъ меня къ Краснымъ Воротамъ. Въ этомъ кварталѣ, кажется, тоже есть улица, носящая

dent qu'il n'y a pas de maison Поваïsky. L'heure avance, je vais être en retard, je me fâche et m'adressant un peu énergiquement à mon isvoschik:—*Dourak, gardavoï yest!* Le traîneau s'approche d'un gardavoï de taille gigantesque. Ignorant la langue russe, je bredouille quelques mots tant bien que mal. Alors le gardavoï parle, parle sans fin et je l'interromp: *ya ni ponimaiu!*—et lui sur un ton d'autorité de me dire:—*puisque vous ne parlez pas le russe, que faites vous donc à Moscou?*—*Ya Franzous, répondis-je.* Combien grand fût mon étonnement de voir le gardavoï monter dans le traîneau. Changeant d'intonation, de sa voix la plus douce, il répétait: *Franzous, Franzous, Toulone, Kronschtadt!* et joignant le geste à la parole, il me serra dans ses bras si fortement que mon ossature faillit craquer sous cette étreinte énergique et démonstrative. Mais il fit plus; il approcha de mon visage sa barbe que la froidure avait hérissée de glaçons et il imposa à ma joue un baiser aussi éloquent qu'aromatisé. Non sans difficulté, mon gardavoï, verbeux et fougueux ami de l'alliance, dessera ses bras et rectifia l'erreur de l'isvoschik. Cette anecdote, qui ne date pas d'hier, n'indiquait-elle pas la force de l'alliance; malgré sa simplicité un peu rude, elle m'a causé une grande joie.

Mes séjours en Russie furent émaillés de bien d'autres incidents variés, principalement dans ce même ordre d'idées. En Sibérie, non loin de Krasnoïarsk, cherchant des objets de l'âge de la pierre dans les dunes de sable qui bordent l'Iénisséï, je pénétrai dans une maison de paysan. Dans le coin rouge sous la principale icône, se trouvait une fleur en étoffe, une pensée, dont la tige était liée d'un ruban aux couleurs françaises. Intrigué, je demandai d'où venait cet objet. Le kaziaïn avait assisté aux funérailles d'Alexandre III; alors des français distribuèrent à la foule de pareils souvenirs. Le Sibériac avait pu en obtenir un; on aurait bien voulu le lui acheter, des offres séduisantes lui avaient été faites, mais il n'avait jamais consenti à se dessaisir de la fleur. Elle était, disait-il, un souvenir du Souverain défunt, souvenir offert par une nation aimée de lui; il fallait la placer auprès des images saintes. La pensée de France avait pénétré bien loin. Cette pensée symbolique synthétisait l'oeuvre qui avait survécu à son auteur; pensée arrosée de larmes françaises, elle avait fleuri sur la tombe de Celui auquel elle devait son parfum et sa splendeur!

Ne réclamez pas de moi l'histoire de cette alliance si chère à nos coeurs. Pour vous, comme pour nous, elle constitue une des plus belles pages de l'histoire. Qu'il suffise de vous faire ressortir que dans notre pays

имя Пимена. Мой автомедонъ у каждой калитки спрашиваетъ дворниковъ, которые всё ему отвѣчаютъ, что нѣтъ дома Иловайскаго. Время идетъ, я могу опоздать, сержусь, и довольно энергично обращаюсь къ моему извозчику: „Дуракъ, городской есть!“ Сани приближаются къ городскому гигантскаго роста. Не зная русскаго языка, я, плохо ли, хорошо ли, бормочу нѣсколько словъ. Городовой говоритъ, говоритъ безъ конца, и я прерываю его: „Не понимаю.“ Онъ въ отвѣтъ авторитетнымъ тономъ: „Разъ вы не говорите по русски, чтоже вы дѣлаете въ Москвѣ?“ „Я французъ,“ отвѣчаю я. Велико было мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что городской лѣзетъ въ сани. Измѣнивъ голосъ, онъ самымъ ласковымъ тономъ повторяетъ: „Французъ, французъ, Тулонъ, Кронштадтъ!“ и, присоединяя къ рѣчи жесты, такъ крѣпко стиснулъ меня руками, что мои кости едва не затрещали въ этихъ энергичныхъ и доказательныхъ объятіяхъ. Но онъ пошелъ дальше: приблизивъ къ моему лицу свою бороду, которую холодъ оцетинилъ лѣдинками, онъ напечатлѣлъ на моей щекѣ поцѣлуй, одинаково краснорѣчивый и благовонный. Не безъ труда мой городской, говорливый и пылкій другъ союза, разнялъ свои руки, и исправилъ ошибку извозчика. Этотъ случай, который произошелъ не вчера, не указывалъ ли онъ на силу союза? Несмотря на его немного грубую простоту, онъ доставилъ мнѣ большую радость.

Мои пребыванія въ Россіи были испещрены многими другими разнообразными случаями, главнымъ образомъ, того же рода. Въ Сибири, недалеко отъ Красноярска, отыскивая предметы каменнаго вѣка въ песчаныхъ дюнахъ, которые тянутся по берегамъ Енисея, я зашелъ въ домъ одного крестьянина. Въ красномъ углу, подъ главной иконой, находился искусственный цвѣтокъ, анютины глазки, и стебель его былъ перевязанъ лентой французскихъ цвѣтовъ. Заинтересованный, я спросилъ, откуда эта вещь. Хозяинъ присутствовалъ на похоронахъ Александра III; тогда французы раздавали толпѣ такіе цвѣты на память. Сибиряку удалось достать одинъ; его многіе хотѣли купить у него, ему дѣлали заманчивыя предложенія, но онъ никогда не соглашался разстаться съ цвѣткомъ. Это, говорилъ онъ, воспоминаніе о покойномъ Государѣ, воспоминаніе, подаренное народомъ, который Онъ любилъ; его нужно помѣстить около святыхъ иконъ. Французскіе анютины глазки проникли очень далеко. Эти символическіе анютины глазки заключали въ себѣ то дѣло, которое пережило своего Творца, анютины глазки, орошенные французскими слезами, они расцвѣли на могилѣ Того, Кому были обязаны своей красотой и своимъ ароматомъ!

Не требуйте отъ меня исторіи союза, столь дорогого нашимъ сердцамъ. Для васъ, какъ и для насъ, онъ составляетъ одну изъ прекраснѣйшихъ страницъ исторіи. Пусть достаточно будетъ показать

elle a constamment été la base intangible et invariable de notre politique extérieure. Les Présidents, les Ministres, les chambres, les événements se sont succédés, mais cette alliance a été défendue et respectée toujours et par tous.

C'est bien ici le lieu d'affirmer quel était le caractère essentiel de cette alliance. Née de l'amour de la paix, elle avait pour objectif son maintien pour le bien de l'Europe; c'est à elle que l'Europe a dû la paix bienfaisante dont elle a joui pendant plus de 40 ans. En face des prodigieux armements de l'Allemagne, cette ligue pour la paix dût prendre les mesures exigées par les circonstances, dans l'unique but d'éviter toute conflagration armée. Somme tout, l'Europe se trouva divisée en deux: d'un côté des nations qui s'arment formidablement dans un but belliqueux et de l'autre des nations qui s'arment pour assurer la conservation de la paix. Devant de pareils armements, tout gouvernement soucieux de ses devoirs devait redouter un choc formidable et trembler d'assumer la responsabilité d'une catastrophe incommensurable.

Tel était l'état d'esprit quasi général, lorsqu'au mois de Juillet notre Président de la République, Monsieur Poincaré, rendit visite, sur les bords de la Néva, à vos Augustes Souverains. La haute signification de ce solennel événement était une imposante manifestation de l'union étroite des alliés et la proclamation publique de leur ferme volonté de maintenir la paix dont l'Europe avait plus que jamais besoin.

Le lendemain du départ du Président, une action mensongère surgit, succédant à l'action loyale qui venait d'obtenir un si imposant succès. L'Empereur d'Allemagne voulait la guerre à tout prix; dans ce but il usa de moyens détournés, il se servit d'un vieillard débile et soumis pour déchaîner les horreurs d'une conflagration.

Quelle fût alors l'action de nos deux chères patries? Elles mirent tout en oeuvre pour sauver l'Europe d'une calamité et demeurèrent fièrement drapées dans leur dignité. Elles mirent tout en oeuvre pour empêcher la guerre; elles poussèrent la patience jusqu'aux extrêmes limites, méprisant les outrages, démasquant les intrigues. Lassé d'attendre une provocation de leur part, l'Empereur d'Allemagne leur déclara la guerre et prit dès lors une responsabilité redoutable qui, quoiqu'il advienne, le désigna à la postérité comme un grand coupable.

Devant la mauvaise foi, devant l'imposture, la France et la Russie se dressèrent frémissantes, elles prirent résolument la défense du droit, de la justice, de la liberté.

вамъ, что въ нашей странѣ онъ постоянно былъ незыблемымъ и неизмѣннымъ основаніемъ нашей внѣшней политики. Президенты, министры, палаты, событія смѣняли друга друга, но союзъ этотъ былъ защищаемъ и почитаемъ всегда и всѣми.

Здѣсь уместно подчеркнуть, каковъ былъ существенный характеръ союза. Родившись изъ любви къ миру, онъ имѣлъ цѣлью свое существованіе на благо Европы; ему обязана Европа богатнымъ миромъ, которымъ она наслаждалась болѣе 40 лѣтъ. Въ виду огромныхъ вооруженій Германіи, эта лига мира должна была принять мѣры, требуемыя обстоятельствами, съ единой цѣлью избѣгать всякой вооруженной вспышки. Въ общемъ, Европа оказалась раздѣленной на двое: съ одной стороны, націи, которыя въ воинственныхъ цѣляхъ вооружаются колоссально, — съ другой націи, которыя вооружаются, чтобы обезпечить сохраненіе мира. Передъ такими вооруженіями, всякое правительство, сознающее свой долгъ, должно было опасаться огромнаго столкновенія, и трепетать передъ тѣмъ, чтобы принять на себя отвѣтственность за неизмѣримую катастрофу.

Таково было состояніе духа почти всѣхъ, когда въ Іюлѣ мѣсяцѣ, нашъ Президентъ, Г. Пуанкаре, отдалъ, на берегахъ Невы, визитъ вашей Августѣйшей Четѣ. Высокое значеніе этого торжественнаго событія являлось величественнымъ проявленіемъ тѣснаго единенія союзниковъ и открытымъ провозглашеніемъ ихъ твердой воли поддерживать миръ, въ которомъ Европа нуждалась болѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

На другой день послѣ отбытія Президента, совершилось лживое дѣло, тотчасъ слѣдовавшее за благороднымъ дѣломъ, только-что имѣвшимъ столь важный успѣхъ. Германскій Императоръ желалъ войны во что бы то ни стало; для этого онъ пошелъ косвенными путями; онъ воспользовался дряхлымъ и покорнымъ старикомъ, чтобы спустить съ цѣпи ужасы столкновенія.

Какъ же поступили тогда оба наши дорогія отечества? Они сдѣлали все, чтобы спасти Европу отъ бѣдствія, и оставались гордо замкнувшись въ свое достоинство. Они все сдѣлали, чтобы избѣгнуть войны; они довели свое терпѣніе до крайнихъ предѣловъ, презирая оскорбленія, открывая интриги. Уставъ ждать вызова съ ихъ стороны, Германскій Императоръ объявилъ имъ войну, и взялъ на себя съ тѣхъ поръ страшную отвѣтственность, которая, чтобы ни случилось, показываетъ на него потомству, какъ на великаго преступника.

Франція и Россія, дрожа отъ гнѣва, поднялись передъ дерзостью, передъ вѣроломствомъ, и твердо приняли на себя защиту права, справедливости и свободы.

Leur attitude d'hier, leur attitude en présence de la lâcheté des prétextes invoqués par l'ennemi avant l'ouverture des hostilités, est une attitude digne de la plus respectable, de la plus noble cause. Qui donc alors aurait pu songer qu'au XX-e siècle il se trouvait au centre de l'Europe un repaire de brigands?

Le premier acte de l'Allemagne auteur du drame qui se déroule aujourd'hui, fût la violation des territoires du Grand Duché de Luxembourg et du Royaume de Belgique, c'est à dire une offense au droit international et un manquement à la parole donnée. La Grande Duchesse de Luxembourg alla au devant des envahisseurs, fit placer son équipage à la frontière, en travers du pont, et se dressant fit acte de protestation.

Le geste était beau; mais la soldatesque teutone ne respecta ni la femme, ni la Princesse, ni la dignité de Ses droits. Faire prisonnière une femme sans défense; voilà leur première victoire! Dès lors, Guillaume le néfaste imprima à la guerre le caractère qu'il avait résolu de lui donner.

Il intime l'ordre de violer le territoire belge, il y pénètre et le voici à la tête de ses armées formidables envahissant un petit royaume. C'est ainsi que Guillaume II, déchirant tous les traités. inaugure les hostilités. Ce début a soulevé l'indignation générale et l'Angleterre. en présence d'un tel acte, n'a pas hésité à s'unir à ceux qui représentaient et défendaient le droit.

L'Allemagne a crié à l'Europe: „La force prime le droit!“ La Belgique a répondu par sa fière devise: „L'union fait la force!“

Voici que deux souverains se plaçant en parallèle s'offrent au jugement du Monde. L'un, Guillaume II, règne encore sur un vaste empire. Entouré de serviles vassaux, adulé par une soldatesque insolente, il s'est révélé prédicateur et prévaricateur, cynique et hypocrite. Orgueilleux il a cru que l'univers devait s'humilier devant lui. Grand metteur en scène, il voulu s'essayer dans divers rôles et il a choisi, pour terminer sa carrière celui de boureau. Déjà, avant le dernier acte du drame, l'Histoire l'a marqué au front du sceau de l'infamie.

En face, apparaît dans sa dignité, dans sa majesté le Roi Albert I. Il régnait hier sur un petit royaume, aujourd'hui il régné sur

Ихъ вчерашнее положеніе, ихъ положеніе при видѣ гнусности предлоговъ, приводимыхъ врагомъ передъ открытіемъ враждебныхъ дѣйствій, есть положеніе, достойное самаго почетнаго, самаго благороднаго дѣла. И кто могъ бы подумать тогда, что въ XX вѣкѣ въ серединѣ Европы находится пристанище разбойниковъ?

Первымъ дѣйствіемъ Германіи, виновника драмы, развертывающейся теперь передъ нами, было нарушеніе территоріи Великаго Герцогства Люксембургскаго и Королевства Бельгійскаго, то есть оскорбленіе международнаго права и нарушеніе даннаго слова. Великая Герцогиня Люксембургская выѣхала навстрѣчу нашествію, велѣла поставить свой экипажъ на границѣ, поперекъ моста, и, поднявшись, заявила свой протестъ.

Жестъ былъ прекрасенъ; но тевтонская солдатчина не оказала уваженія ни женщинѣ, ни Принцессѣ, ни достоинству Ея правъ. Взять въ плѣнъ беззащитную женщину—вотъ ихъ первая побѣда! Съ тѣхъ поръ, Вильгельмъ Пагубный наложилъ на войну тотъ отпечатокъ, который онъ рѣшилъ придать ей.

Онъ отдаетъ приказъ нарушить Бельгійскую территорію, онъ проникаетъ туда, и вотъ онъ во главѣ своихъ огромныхъ армій совершаетъ нашествіе на маленькое королевство. Такъ нарушивъ всѣ договоры, Вильгельмъ II открылъ военныя дѣйствія. Это начало вызвало всеобщее негодованіе, и Англія, въ виду такихъ поступковъ, не поколебалась присоединиться къ тѣмъ, которые представляли и защищали право.

Германія закричала Европѣ: „Сила уничтожаетъ право!“ Бельгія отвѣтила своимъ гордымъ девизомъ: „Въ единеніи—сила!“

Вотъ какъ представляются сужденію міра два государя, поставленные рядомъ. Одинъ Вильгельмъ II, еще царитъ надъ обширнымъ государствомъ. Окруженный послушными вассалами, льстимый дерзкой солдатчиной, онъ оказался проповѣдникомъ и измѣнникомъ, циникомъ и лицебрѣмъ. Онъ вообразилъ въ своей гордости, что міръ долженъ унизиться передъ нимъ. Онъ захотѣлъ испробовать себя въ различныхъ роляхъ, и для того, чтобы закончить свою карьеру, онъ выбралъ роль палача. Уже передъ послѣднимъ актомъ драмы, Исторія положила ему на лобъ печать позора.

Съ другой стороны, въ своемъ достоинствѣ, въ своемъ величіи является король Альбертъ I. Вчера онъ царствовалъ въ маленькомъ королевствѣ, сегодня онъ царствуетъ во всѣхъ сердцахъ. Онъ не поте-

tous les cœurs. Il n'a pas perdu sa couronne, il l'a enrichie en y ajoutant une auréole de gloire immortelle. Il a repoussé noblement par cinq fois les propositions fallacieuses et outrageantes de son implacable ennemi. Chacune d'elles était un affront de plus pour celui auquel elles s'adressaient et une honte de plus pour celui qui les formulait.

Dès lors les Allemands tels des fauves avides de proie, tels des vampires assoifés de sang, ont dépecé son royaume, ont incendié ses villes, ses fabriques, ses monuments, ont tué ses sujets: otages, femmes, vieillards, enfants. Ils ont passé tel un ouragan dévastateur.

Devant le nombre et la force écrasante, l'armée belge s'est montrée sublime d'héroïsme, elle a énergiquement défendu le sol sacré de sa patrie. Le Roi, fier de cette vaillance, a tout sacrifié pour opposer une digue aux hordes barbares qui petit à petit ont envahi tout son royaume. Or il a fallu bien longtemps à une ruée innombrable de troupes allemandes pour s'emparer de ce territoire défendu par une poignée de braves. Les barbares ont tout anéanti en Belgique, excepté sa petite armée qui à l'ombre de son drapeau et sous l'égide de son Roi attend, unie aux français, l'heure de la revanche.

Tandis que les Allemands, après y avoir multiplié les ruines et les crimes, considèrent la Belgique comme un pays conquis et annexé—tandis qu'ils transforment en victoire le ravage d'une contrée florissante et prospère—tandis qu'ils traitent en esclave cette admirable population à laquelle ils n'ont épargné aucune humiliation—tandis qu'ils cherchent sur cette terre ce qui reste encore debout pour l'anéantir.—tous nous nous levons, vibrants d'admiration pour envoyer aux héros belges et à leur Roi l'assurance que nous saurons les venger. Nous nous levons pour saluer leur drapeau qui, après avoir été au danger, prendra sa place à l'honneur. Nous nous levons pour rendre un respectueux hommage au glorieux Souverain et à la Reine, Sa digne Epouse et pour adresser un témoignage ému de sympathie à leur peuple valeureux.

La Belgique s'est sacrifiée à la liberté du Monde. Le Monde restera son débiteur tant que n'auront pas été châtiés les crimes commis contre elle. Je le dis bien haut: Il n'y a pas de dette plus sacrée!

Dans cette campagne de Belgique, les barbares ont imprimé à la présente guerre un caractère tout particulier et leur chef lui même a voulu qu'il en fût ainsi. En la déclarant, comme un hypocrite et comme

рять своей короны, онъ обогатилъ ее, прибавивъ къ ней ореолъ безсмертной славы. Пять разъ гордо отвергалъ онъ лживыя и оскорбительныя предложенія своего безжалостнаго врага, каждое изъ которыхъ было дерзостью тому, кому оно направлялось. и позоромъ для того, кто его высказывалъ.

Съ тѣхъ поръ германцы, какъ дикіе звѣри, жадные до добычи, какъ вампиры, жаждущіе крови, растерзали его королевство, сожгли его города, его заводы, его памятники, перебили его подданныхъ: заложниковъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей. Они прошли, какъ разрушительный ураганъ.

Передъ численностью и подавляющей силой Бельгійская армія показала себя великой по героизму, и мощно защищала священную почву своей родины. Король, гордый этой бодростью, все принесъ въ жертву, чтобы поставить преграду варварскимъ ордамъ, которыя, мало по малу, заполонили все его королевство. И безжалостнымъ толпамъ германскихъ войскъ понадобилось очень много времени, чтобы овладѣть этой страной, защищаемой горстью храбрыхъ. Варвары все уничтожили въ Бельгіи, кромѣ ея маленькой арміи, которая подъ сѣнью своего знамени, и подъ эгидой своего Короля, соединившись съ французами, ожидаетъ часа расплаты.

Между тѣмъ, какъ Германцы, умноживъ тамъ преступленія и развалины, смотря на Бельгію, какъ на страну покоренную и присоединенную—между тѣмъ, какъ они обращаютъ въ побѣду разореніе цвѣтущей и благоденствующей страны—между тѣмъ, какъ они обращаются, какъ съ рабами, съ этимъ изумительнымъ населеніемъ, не избавленнымъ ими ни отъ одного униженія—между тѣмъ, какъ они ищутъ, чтобы уничтожить, что еще цѣло на этой землѣ—мы, полные восхищенія, поднимаемся, чтобы послать бельгійскимъ героямъ и ихъ Королю увѣренность въ томъ, что мы сможемъ отмстить за нихъ; мы поднимаемся, чтобы привѣтствовать ихъ знамя, которое, побывавъ въ опасности, снова займетъ свое почетное мѣсто; мы поднимаемся,—чтобы почтительно привѣтствовать славнаго Государя и Королеву, его достойную супругу, и чтобы послать взволнованное свидѣтельство нашего сочувствія ихъ доблестному народу.

Бельгія принесла себя въ жертву свободѣ Мира. Миръ до тѣхъ поръ останется ея должникомъ, пока не будутъ наказаны преступленія, совершенныя противъ нея. И я громко говорю это: нѣтъ болѣе священнаго долга.

Во время бельгійской кампаніи, варвары придали этой войнѣ характеръ совершенно особый, и ихъ вождь самъ хотѣлъ, чтобы это было такъ. Объявляя войну, онъ, какъ лицемѣръ и какъ скоморохъ, выста-

un histrion, il s'est posé en victime offensée; trahissant la vérité, il a voulu rejeter sur la France et la Russie la responsabilité écrasante qui pèsera sur lui seul. Jusqu'à ce jour, cette responsabilité n'est pour le néfaste Guillaume qu'un fardeau; demain, si toute fois cet homme a un coeur, elle sera pour lui un remord—un remord qui n'ira qu'en grandissant. Le symptôme de ce remord prend actuellement la forme d'insomnies. Sur sa couche où le sommeil a fui, le dormeur éveillé tressaille. Je m'imagine quelles visions d'horreur surgissent à son esprit dans les ténèbres rougies par le sang innocent et les flâmmes sacrilèges. Dans ce décor sinistre, le spectre de Bismark, cet insulteur de notre France, apparaît sans doute. Ce témoin d'outre-tombe, de sa voix sépulcrale annonce la décadence et la déchéance prochaine de cette dynastie des Hohenzolern qu'il a élevée si haut et qui est tombée si bas!

Sa responsabilité accablante, Guillaume II l'a voulue, l'a accrue et cela délibérément, froidement; il n'a pas un seul instant reculé devant les forfaits. Il a détruit Louvain, sanctuaire de la science et de la foi; il a détruit Malines siège archiépiscopal et bien d'autres cités; il a détruit d'innombrables foyers d'industrie et de commerce. En brûlant dans les mines de pauvres ouvriers, il a porté l'incendie jusque dans les entrailles de la terre. Telle est la vraie caractéristique donnée par Guillaume II à cette guerre: „Combattre pour détruire.“

La Belgique a pu croire un instant qu'elle se mesurerait avec un ennemi mille fois plus nombreux, qu'elle serait peut être écrasée par lui en défendant ses droits: enfin elle a pu croire qu'elle se trouvait en face d'implacables ennemis. Mais non, Messieurs, elle ne s'est pas trouvé en face d'ennemis mais en face de hordes de brigands.

Si j'ai fait un parallèle imparfait entre Guillaume II, et Albert I, je laisse à un psychologue plus qualifié que moi le soin de faire ressortir l'énorme dissemblance des mentalités belges et allemandes. Cette dissemblance s'est révélée telle qu'on aurait pas pu, avant les événements actuels, songer qu'elle pût exister chez des peuples voisins. En Allemagne: mépris du droit. En Belgique: respect du droit. En Allemagne: la force est la seule puissance. En Belgique: le devoir est la seule puissance. En Allemagne: l'honneur est une utopie. En Belgique: l'honneur est un principe. Et l'honneur, qui est en quelque sorte l'exaltation sublime de l'âme humaine, a été porté à son apogée par la Belgique.

Maintenant, Messieurs, que je vous ai entretenu de la Belgique, je dois avec une émotion profonde, que je voudrais vous communiquer, parler de ma chère Patrie.

вилъ себя оскорбленной жертвой. Измѣняя истину, онъ захотѣлъ свалить на Францію и Россію ту подавляющую отвѣтственность, которая будетъ лежать на немъ одномъ. До сего дня эта отвѣтственность для Вильгельма Пагубнаго только грузъ; завтра—если всетаки этотъ человекъ имѣетъ сердце—она станетъ для него угрызеніемъ; угрызеніемъ, которое будетъ все увеличиваться. Теперь признаки этого угрызенія приняли видъ бессонницы. Спящій, пробудившись, вздрагиваетъ на своемъ ложѣ, откуда бѣжалъ сонъ. Я воображаю, какія ужасныя видѣнія предстаютъ его духу во мракѣ, окрашенномъ невинной кровью и святотатными огнями. Въ этой жуткой обстановкѣ ему, конечно, является призракъ Бисмарка, этого оскорбителя нашей Франціи. Этотъ свидѣтель съ того свѣта своимъ могильнымъ голосомъ возвѣщаетъ ему упадокъ и скорую гибель династіи Гогенцоллерновъ, которую онъ вознесъ столь высоко, и которая пала столь низко.

Вильгельмъ самъ желалъ этой подавляющей отвѣтственности, самъ увеличилъ ее, и все это сознательно и хладнокровно; ни на одинъ мигъ не отступилъ онъ передъ своими проступками. Онъ разрушилъ Лувенъ, святилище вѣры и науки; онъ разрушилъ мѣстопробываніе архіепископа, Малинъ, и многіе другіе города: онъ разрушилъ безчисленные очаги производства и торговли. Онъ внесъ пожаръ въ земныя нѣдра, сжигая въ рудникахъ несчастныхъ рабочихъ. „Сражаться, чтобы разрушать“—вотъ истинное опредѣленіе, данное этой войнѣ Вильгельмомъ.

Бельгія могла подумать одно мгновеніе, что ей придется помѣриться силами съ врагомъ, въ тысячу разъ болѣе многочисленнымъ, что она, быть можетъ, будетъ раздавлена имъ, защищая свои права; она могла подумать, однимъ словомъ, что она находится передъ лицомъ неумолимыхъ враговъ. Но нѣтъ, господа, она оказалась передъ лицомъ не враговъ, но орды разбойниковъ.

Если я проведу несовершенную параллель между Вильгельмомъ II и Альбертомъ I, то заботу выяснить огромную разницу между духомъ бельгійскимъ и духомъ германскимъ я оставляю психологу, лучшему, чѣмъ я. Эта разница оказалась такою, существованіе которой у сосѣднихъ народовъ нельзя было и предполагать до нынѣшнихъ событій. Въ Германіи: презрѣніе къ праву. Въ Бельгіи: уваженіе права. Въ Германіи: властвуетъ только сила. Въ Бельгіи: властвуетъ только долгъ. Въ Германіи: честь—утопія. Въ Бельгіи: честь—принципъ. И честь, которая является, такъ сказать, высшимъ воспламененіемъ человѣческаго духа, была вознесена Бельгіей на недостижимую высоту.

Теперь, господа, когда я рассказалъ Вамъ о Бельгіи, я долженъ съ глубокимъ волненіемъ, которое я хотѣлъ бы сообщить и Вамъ, говорить о моей дорогой родинѣ.

En franchissant notre frontière, en mettant les pieds sur notre sol, les Allemands ont-ils changé leur manière d'agir? Point du tout. Ils sont venus chez nous avec l'idée arrêtée et préméditée de faire en France ce qu'ils avaient fait en Belgique. Paris était leur objectif et, pour annoncer leur arrivée dans notre capitale, ils avaient de leurs avions, fait tomber des bombes sur Notre Dame. Quelle infamie! Si ils l'avaient pu, ils auraient détruit notre Cathédrale.

Par des lettres saisies, on sait dans quel cérémonial imposant les barbares devaient entrer triomphalement dans notre cité; on sait qu'à telle date, dans tel restaurant Guillaume le conquérant devait régaler ses généraux. Tout cela était convenu et réglé d'avance.

Pendant que les Teutons orgueilleux faisaient ces beaux rêves avec la jactance et l'assurance du succès; nous français, nous nous recueillions, nous envisagions cette guerre, cette invasion, comme un réveil, comme un ordre de nous unir, comme un essort donné à nos sentiments de fierté nationale, comme un renouveau de notre puissance et tous ont répondu: vous attaquez, vous insultez notre Patrie! nous sommes prêts, nous voilà!

Et nos compatriotes ont rivalisé d'entrain, tous voulaient partir non pas en fanfarons pour aller à Berlin, mais pour aller plus loin, plus haut, à la mort ou à la gloire!

Il leur a semblé dans leur première veillée d'armes, en recevant le baptême du feu, percevoir un appel venu d'audelà, un appel venu de frères arrachés à la France, qui, après 44 ans d'esclavage frémissent de joie et d'espérance. Les battements du coeur de l'Alsace et de la Lorraine sont si forts qu'ils viennent jusqu'à eux.

Maintenant je donne la parole à Mr Chenu qui, par ma voix, vous contera l'histoire d'une petite fleur d'Alsace.

„C'est une toute petite pâquerette des champs que rien ne distingue de celles qui foisonnent dans les chaumes après la moisson comme les coquelicots dans les blés en été ou les liserons dans les bois au printemps.

„Cependant, son possesseur ne l'échangerait pas contre la plus somptueuse orchidée.

Перемѣнили ли германцы свой образъ дѣйствій, переходя нашу границу, ставя ногу на нашу почву? Конечно, нѣтъ. Они явились къ намъ съ твердымъ и предумышленнымъ намѣреніемъ сдѣлать во Франціи то же, что они сдѣлали въ Бельгіи. Парижъ былъ ихъ цѣлью, и, чтобы возвѣститъ свое прибытіе въ нашу столицу, они со своихъ аэроплановъ бросали бомбы въ Соборъ Богоматери. Какая гнусность! Если бы они смогли, они разрушили бы нашъ соборъ.

Изъ захваченныхъ писемъ извѣстно, съ какимъ церемоніаломъ должны были варвары торжественно войти въ нашъ городъ; извѣстно, какого числа, въ какомъ ресторанѣ долженъ былъ угощать своихъ генераловъ Вильгельмъ Завоеватель. Все это было условлено и распределено заранѣе.

Въ то время, какъ кичливые и увѣренные въ успѣхѣхъ тевтоны гордо строили эти прекрасные планы, мы, французы, мы готовились, мы смотрѣли на эту войну, на это нашествіе, какъ на пробужденіе, какъ на приказъ объединиться, какъ на опору, данную нашему чувству національной гордости, какъ на возобновленіе нашего могущества,—и мы всѣ отвѣтили: „Вы нападаете, вы оскорбляете нашу родину! Мы готовы, мы здѣсь!“

И наши соотечественники соперничали въ порывѣ: всѣ хотѣли отправиться, и не какъ хвастуны, чтобы идти въ Берлинъ, но чтобы идти гораздо дальше, гораздо выше—къ смерти или къ славѣ!

Когда они получали свое боевое крещеніе, во время ихъ первой стражи подъ оружіемъ, имъ показалось, что они слышать призывъ съ той стороны, призывъ братьевъ. оторванныхъ отъ Франціи, которые, послѣ 44-лѣтъ рабства, трепещутъ отъ радости и надежды. Біенія сердца Альзаса и Лотарингіи такъ сильны, что донеслись и до насъ.

Теперь я передаю слово Г. Шеню, который расскажетъ вамъ моими устами исторію одного маленькаго Альзасскаго цвѣтка.

„Это совсѣмъ маленькая полевая ромашка, ничѣмъ не отличающаяся отъ тѣхъ, которыхъ такъ много въ соломѣ послѣ жатвы, какъ лѣтомъ маковъ во ржи или весною павилики въ лѣсахъ. Однако, ея владѣлецъ не промѣнялъ бы ее на самую пышную орхидею.

Можетъ быть, она обязана своей цѣнностью или свѣжести, или рукѣ, которая сорвала ее?

„Est-ce donc à sa fraîcheur qu'elle doit son prix ou à la main qui l'a cueillie? Non plus.

Elle est toute desséchée et flétrie; son petit coeur jaune a perdu ses reflets d'or; ses pétales blancs sont à demi arrachés, sa tige est si amincie qu'elle est près de se briser. Et ce n'est pas un souvenir d'amour. C'est pour lui-même qu'un de nos troupiers l'a cueillie. Mais, s'il y tient, c'est que la petite fleur est son butin de guerre.“

„Je joins à ma lettre, écrit-il, la première marguerite que j'ai cueillie en Alsace, le fusil à la bretelle, voici déjà quelques semaines. D'ici peu, nos troupes en feront de plus amples moissons. Hâtez vous de l'encadrer, avant que le modèle en devienne banal.“

Je l'ai là entre les doigts, la fleurette d'Alsace. Elle est sans odeur et je lui trouve un parfum délicieux. S'il suffisait d'une larme pour lui restituer la vie, je sens que mes yeux seraient tout près de la fournir, c'est que je la suis dans son trajet depuis le moment où elle a quitté le sol alsacien jusqu'à son arrivée dans notre Paris.

Elle a fait les longues marches sous le dur soleil d'âût: elle a vu s'aligner le soir les faisceaux du bivouac: elle a, un jour de bataille, heurté le sol rougi où son soldat venait de tomber; elle fut, à elle toute seule, le bouquet installé au chevet d'un lit d'ambulance et sur lequel se sont reposés les yeux d'un blessé; et quand elle eût accompli sa mission consolatrice, elle s'est, à la lente allure des lettres venues, du front, mise en route pour Paris. Ils ne l'auront pas.

Vous vous rappelez la cocarde de Déroulède:

Le sang l'a bien un peu rougie,
La poudre bien un peu noireie,
Mais elle est encore bien jolie!

Ainsi la fleur. Et silencieusement, elle raconte l'histoire des deux races. Chacune des deux armées a ses pillards; mais c'est par le genre de leurs butins qu'ils diffèrent.

„C'est pour votre bien être que vous combattez“ a-t-on dit aux Allemands. Ils ont entendu, compris, exécuté. Pour assurer leur bien-être immédiat, ils ont pillé les fermes, mis à sac les maisons, dévalisé

Нѣтъ; она совсѣмъ высохла и увяла; ея маленькое желтое сердечко потеряло свои золотые отблески; ея бѣлые лепестки наполовину оторваны; ея стебелекъ сталъ такъ тонокъ, что готовъ переломиться. И это не воспоминаніе любви. Одинъ изъ нашихъ солдатъ сорвалъ ее для самого себя. И если онъ такъ дорожить ею, то, это потому, что ромашка эта—его боевая добыча.

„Я прилагаю къ моему письму,“ пишетъ онъ, „первую маргаритку, которую я сорвалъ въ Альзасѣ, вотъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ, ружье за спиной. Скоро наши войска соберутъ ихъ гораздо больше. Торопитесь вставить ее въ рамку, прежде чѣмъ эта вещь станетъ обычной.“

Я держу его въ рукѣ, этотъ Альзасскій цвѣточекъ. Онъ совсѣмъ безъ запаха, но я нахожу въ немъ прекрасный аромать. Если бы довольно было одной слезы, чтобы вернуть ему жизнь, то я чувствую мои глаза совсѣмъ близкими, чтобы доставить ее. Это потому, что я вижу этотъ цвѣтокъ на всемъ пути, имъ совершенномъ съ того момента, когда онъ покинулъ Альзасскую почву, до его прибытія въ нашъ Парижъ.

Онъ продѣлалъ длинные переходы подъ горячимъ Августовскимъ солнцемъ; онъ видѣлъ, какъ протягиваются вечеромъ ряды лагерей. Однажды, въ день битвы, онъ ударился о кровавую землю, гдѣ упалъ его солдатъ. Онъ одинъ былъ букетомъ, поставленнымъ у изголовья постели въ лазаретѣ, и на немъ отдыхали глаза раненаго. И исполнивъ свое назначеніе утѣшителя, медленнымъ путемъ писемъ, идущихъ съ фронта, онъ былъ отправленъ въ дорогу въ Парижъ. *Они* его не получаютъ.

Вы помните кокарду Дерулета:

Правда, кровь ее немного окрасила,
Правда, порохъ немного затемнилъ ее,
Но всетаки она еще очень хороша!

Такъ и цвѣтокъ.

Молчаливо онъ рассказываетъ исторію двухъ расъ. Въ каждой изъ двухъ армій есть свои грабители; но они различаются по роду своей добычи.

„Вы сражаетесь за ваше благополучіе“, сказали германцамъ. Они это услышали, поняли и исполнили. Чтобы устроить свое немедленное благополучіе, они разгромили усадьбы, опустошили дома, разграбили

les caves et par passe-temps, démolit les cathédrales. L'idéal leur est fermé. la beauté les offense, et, dans leur prurit dévastateur et sacrilège, ils offrent en holocauste à leurs sinistres idoles les ruines et les cendres des monuments élevés par le génie de l'homme à la gloire de Dieu.

Aux nôtres, il n'était pas besoin de donner des raisons, ni de dire pour qui et pour quoi ils offraient leurs vies. Ils le savaient. Ils s'étaient croisés pour aller en Terre-Sainte et, dès qu'ils y eurent fait leurs premiers pas, ils ont assuré leur butin. Ils ont avec piété pillé les fleurs des champs.

La prise est bonne, si elle est modeste. Elle n'ira pas aux Invalides pour y rejoindre les glorieux trophées, la fleur d'Alsace. Mais, échappée au tumulte des batailles, elle resplendira dans son cadre, la fleur cueillie par le soldat. quand la France aura repris la terre où sont demeurées ses racines."

Pour vous conter ce charmant épisode, j'ai laissé nos ennemis en marche vers le coeur de la France, vers Paris. Ils parviennent non loin; ils espèrent couronner leur oeuvre; ils envoient à Berlin une proclamation pompeuse annonçant la prise de Paris.

L'état Major allemand avait assigné au Kronprinz le commandement qui devait lui fournir la plus grande gloire. l'arrivée en premier à Paris. Les uhlands du général Kluk se trouvent en avance sur l'armée de l'Altesse Impériale. Ils s'arrêtent à Chantilly pour ne pas devancer celle-ci. Chantilly ce reliquaire de trésors d'art et d'histoire a été légué, comme vous le savez, par Monseigneur le Duc d'Aumale à l'Académie Française. Avec un admirable sang froid et un esprit d'à propos, le conservateur sauva le Musée Condé. Voici de quelle façon. Connaissant le faible des Allemands, il vida les caves de leurs bouteilles, pour y cacher les oeuvres d'art. Quand les envahisseurs entrèrent au Château, ils trouvèrent dans les salles des rangées de Bourgogne, de Bordeaux et de Champagne. Quelques heures après, ils étaient ivres-morts. Le lendemain, ils déguerpissaient devant nos troupes.

La ruée vers la capitale bat son plein.

Guillaume, vous connaissez parfaitement ce Paris dont vous vous approchez. Vous y avez entretenu des milliers d'espions bien disciplinés,

погребѣ, и, для времяпровожденія, разрушили соборы. Идеаль имъ недоступенъ, красота ихъ оскорбляетъ, и въ своемъ зудѣ къ опустошенію и святотатству они приносятъ въ жертву своимъ мрачнымъ идоламъ развалины и пепель памятниковъ, возведенныхъ человѣческимъ геніемъ во славу Божью.

Нашимъ не нужно было ни приводить причинъ, ни говорить, для кого и для чего они приносятъ жизнь. Они знали это. Они надѣли Крестъ, чтобы идти въ Святую Землю, и сдѣлавъ тамъ первые шаги, обезпечили себѣ добычу. Они съ благоговѣніемъ грабили полевые цвѣты.

Добыча скромна, но хороша. Онъ не пойдетъ во Дворецъ Инвалидовъ, этотъ Альзасскій цвѣтокъ, чтобы присоединиться тамъ къ славнымъ трофеямъ. Но, вырвавшись изъ шума битвъ, цвѣтокъ, сорванный солдатомъ, будетъ сіять въ своей рамѣ, когда Франція возьметъ обратно землю, гдѣ остались его корни.“

Чтобы рассказать вамъ этотъ прелестный эпизодъ, я оставилъ враговъ на дорогѣ къ сердцу Франціи, къ Парижу. Они доходятъ уже близко; они надѣются увѣнчать свое дѣло; они посылаютъ въ Берлинъ напыщенное объявленіе, возвѣщающее взятіе Парижа.

Германскій главный штабъ ввѣрилъ кронпринцу командованіе, которое должно было доставить ему величайшую славу—первымъ войти въ Парижъ. Уланы генерала Клука оказались впереди арміи Его Императорскаго Высочества—они останавливаются въ Шантлиль, чтобы не обогнать ее, въ Шантлиль, этомъ хранилищѣ сокровищъ искусства и исторіи, которое Его Свѣтлость Герцогъ д'Омаль завѣщаль, какъ вамъ извѣстно, Французской Академіи. Съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и подобающей случаю находчивостью, хранитель спасъ Музей Кондэ, и вотъ какимъ образомъ. Зная слабость германцевъ, онъ освободилъ подвалы отъ бутылокъ, чтобы спрятать тамъ произведенія искусства. Когда вторгшіеся вошли въ замокъ, они нашли въ залахъ цѣлые ряды Бургундскаго, Бордо и Шампанскаго. Нѣсколько часовъ спустя, они были пьяны до полусмерти. На другой день они удирали передъ нашими войсками.

Нашествіе на столицу въ полномъ разгарѣ.

Вильгельмъ, ты прекрасно знаешь Парижъ, къ которому ты приближаешься. Ты содѣлалъ тамъ тысячи хорошо выученныхъ шпионовъ, они всюду проскальзывали съ ихъ низостью и способностью наблюдать.

ils se faufileaient partout avec leur bassesse et leur esprit d'observation. En nous encombrant de ces hôtes indésirables, vous avez spéculé sur l'hospitalité française et sur sa loyauté parfois imprévoyante. Instrument inféodé au génie du mal, vous avez créé une spécialité désormais allemande: l'espionnage. Récompensez les vos espions, ils ont admirablement rempli leur rôle: revenus dans leurs foyers, ils méritent de votre part de hautes distinctions. Ils ont préparé votre bienvenue dans la capitale de la France, précédant l'action de vos deux idoles Krupp et Zeppeline.

Comme je le disais, l'entrée des troupes allemandes à Paris était réglée d'avance et le Kronprinz, colonel des hussards de la mort, à la tête de son régiment, devait conduire cette marche historique. Mais ce morbide bravache est, paraît-il, un piteux général.

L'héroïque armée française, qui disputait chaque pouce de terrain à l'armée allemande, se retourna tout à coup et commença le 6 Septembre un furieux combat contre l'envahisseur, combat qui surpassa tout ce qu'on avait vu dans l'histoire des guerres.

Eh bien, barbares. vous n'êtes pas entré à Paris. Vous avez fui devant le rempart que nos soldats ont fait de leurs poitrines. Vous n'avez pas osé. vous n'avez pas pu le renverser. Ce rempart était le vivant rempart de la civilisation, rempart humain armé d'une force surhumaine, rempart des enfants de la France protégeant leur mère patrie. Votre force brutale s'est heurtée là, en face de Paris, devant notre force morale transfigurée. La France, par la voix de ses fils, vous a crié:—Vous n'irez pas plus loin!

Vous avez fui en désordre et c'est votre Kronprinz qui, dans la hâte de mettre sa précieuse personne à l'abri, ordonna la retraite. Cette retraite peut être jalonnée, car, partout où ils passèrent, les barbares ont massacré des populations civiles, incendié des villages, des églises, des villes, pillé des demeures, des châteaux. Partout ils ont laissé les traces de leurs crimes. Les riantes contrées arrosées par la Marne, par l'Aisne, par l'Oise, par la Somme, sur les routes de la retraite allemande, ont été saccagées et ravagées. Que de souvenirs du passé, que de trésors artistiques, que de richesses ont été anéanties par nos ennemis féroces!

Plus tard seulement nous pourrons avoir une compréhension exacte et une liste complète de ce qui a été détruit; car les barbares continuent

Стѣсня насъ этими нежелательными гостями, ты рассчитывалъ на французское гостепрѣимство, и на нашу, иногда непредусмотрительную, прямоту. Орудіе, закрѣпленное у генія зла, ты создалъ специальность, отнынѣ германскую—шпіонство. Награди же ихъ, твоихъ шпіоновъ, они прекрасно выполнили свою задачу; возвратившись къ своимъ очагамъ, они заслуживаютъ съ твоей стороны высокихъ отличій. Они приготовили твое прибытіе въ столицу Франціи, предшествуя въ дѣйствиіи двумъ вашимъ идоламъ—Круппу и Цеппелину.

Какъ я говорилъ, вступленіе германскихъ войскъ въ Парижъ было распредѣлено заранѣе. Кронпринцъ, полковникъ Гусаровъ Смерти, во главѣ своего полка, долженъ былъ вести это историческое шествіе. Но этотъ болѣзненный хвостунъ оказался, кажется, плачевнымъ генераломъ.

Героическая французская армія, оспаривавшая каждую пядь земли у арміи германской, вдругъ обернулась, и начала 6-го Сентября бѣшеное сраженіе противъ вторгающихся; сраженіе, которое превзошло все извѣстное доселѣ въ исторіи войнъ.

Итакъ, вы, варвары, не вошли въ Парижъ. Вы бѣжали передъ тѣмъ оплотомъ, который наши солдаты сдѣлали изъ своей груди. Вы не посмѣли, вы не смогли опрокинуть его. Этотъ оплотъ былъ живымъ оплотомъ цивилизаціи, оплотомъ человѣческимъ, вооруженнымъ силою сверхчеловѣческой, оплотомъ дѣтей Франціи, охраняющихъ свою Родину—Мать. Ваша грубая сила натолкнулась тамъ, передъ Парижемъ, на нашу духовную, преображенную силу. Франція, устами своихъ сыновъ, закричала вамъ: „Дальше вы не пойдете!“

Вы бѣжали въ безпорядкѣ, и это вашъ Кронпринцъ отдалъ приказъ отступать, торопясь спасти свою драгоценную особу. Можно прослѣдить это отступление, потому что варвары, всюду, гдѣ они проходили, избивали гражданское населеніе, сжигали деревни, церкви, города, грабили жилища и замки. Всюду оставили они слѣды своихъ преступленій. Смѣющіяся мѣстности, орошаемыя Марной, Эномъ, Уазой и Соммой, на пути германскаго отступленія, были разгромлены и опустошены. Сколько воспоминаній прошлаго, сколько сокровищъ искусства, сколько богатствъ было уничтожено нашими свирѣпыми врагами!

Только позже, быть можетъ, будемъ мы имѣть ясное представленіе и полный списокъ того, что было разрушено, ибо варвары дѣлаютъ и

et continueront leur oeuvre tant que la force de la poursuivre ne leur aura pas été enlevée.

Le français doublé d'un champenois que je suis, ne peut pa-ser sous silence les pillages organisés dans notre province par le Kronprinz et son état major. Ils se sont crée une renommée en prenant tout ce qu'ils pouvaient dans nos vieilles demeures et en mettant le feu quand ces pillards avaient la possibilité de faire acte d'incendiaires.

L'héritier présomptif de la dignité d'Empereur allemand ne dédaigne pas le butin et il a soigneusement opéré le pillage à *main armée* du Château de Baye et de sa galerie où depuis vingt six ans j'avais réuni les plus précieux dons et les plus chers souvenirs rapportés de ma seconde patrie. Cette sollicitude de voler, d'arracher ce qui est russe à un ami de la Russie, je vous laisse le soin de lui donner la signification qu'elle mérite.

Le Kronprinz devait savoir qu'il se trouvait à Baye chez un franco-russe; car dans ma chambre qu'il a totalement dévalisée, il espérait trouver des papiers concernant votre pays. Il a fait tout d'abord main basse sur ce qui provenait de mes amis russes et rappelait mes voyages dans les Russies d'Europe et d'Asie. L'impérial cambrioleur ne s'est pas borné là. Il s'est aussi emparé autant qu'il a pu des objets d'art, des choses précieuses, des souvenirs de famille qui tentaient son avide cupidité. Hélas le tout a pris le chemin de l'Allemagne viâ Rethel et sous forte escorte comme il convient à des bagages précieux par leur valeur. A l'approche des français, Kronprinz et compagnie, selon leur habitude, ont pris la fuite. En quittant ils ont lancé des obus, c'est par miracle que le château n'ait pas été détruit par ces monstres.

Plus loin, à Epernay. les beuveries n'ont pas empêché l'Altesse d'augmenter ses collections d'art et à Berlin ces larcins seront sans doute considérés comme des trophées de guerre. Nous français et russes nous avons une conception différente de celle des Allemands. Nous nommons trophées de guerre les drapeaux, les canons, les armes pris en combattant courageusement. Eux appellent trophées de guerre les produits de vols lâchement commis chez des personnes sans défense. Les savants cambriolages allemands ont double avantage; ils sont productifs et n'offrent aucun danger.

En Champagne le vin a coulé à flots et les Teutons dans l'ivresse ont multiplié les horreurs; après quoi ils sont revenus à la guerre déshonorée par leur retour à la barbarie native.

до тѣхъ поръ будутъ дѣлать свое дѣло, пока у нихъ не будетъ отнята возможность продолжать его.

Французъ, да еще изъ Шампани, какъ я, не можетъ обойти молчаніемъ погромовъ, устроенныхъ въ нашей провинціи Кронпринцемъ и его штабомъ. Эти грабители составили себѣ извѣстность, забирая все, что могли, въ нашихъ старинныхъ жилищахъ, и поджигая ихъ, когда они были въ состояніи стать поджигателями.

Вѣроятный наслѣдникъ достоинства Императора Германскаго до бычу не презираетъ—и вооруженной рукою онъ произвелъ тщательный грабежъ замка Бай и его галлерей, гдѣ въ теченіи 26 лѣтъ я собиралъ самые драгоценные дары, и самыя дорогія воспоминанія, привезенныя изъ моей второй родины. Это стремленіе украсть, вырвать у друга Россіи все, что у него есть Русскаго—я оставляю вамъ заботу дать ему должное значеніе.

Кронпринцъ долженъ былъ знать, что въ замкѣ Бай онъ находился у полу-Француза, полу-Русскаго, потому что въ моей комнатѣ, которую онъ совершенно опустошилъ, онъ надѣялся найти бумаги, касающіяся вашей страны. Сначала онъ захватилъ все, что происходило отъ моихъ русскихъ друзей, и напоминало мои путешествія по Европейской и Азіатской Россіи. Царственный громила этимъ не ограничился. Онъ захватилъ сколько могъ предметовъ искусства, драгоценныхъ вещей, фамилныхъ воспоминаній, которыя возбуждали его жадность. Увы, все это отправилось по дорогѣ въ Германію, на Ретель, подъ сильнымъ конвоемъ, какъ подобаешь вещамъ большой стоимости. При приближеніи французскихъ войскъ, Кронпринцъ со своей компаніей, по привычкѣ, бросились въ бѣгство. Уходя, они бросили бомбы, и только чудомъ замокъ не былъ разрушенъ этими чудищами.

Дальше, въ Эпернэ, опьяненіе не помѣшало Его Высочеству увеличивать свои коллекціи по искусству, и въ Берлинѣ все награбленное будетъ разсматриваться, конечно, какъ военные трофеи. У насъ, русскихъ и французовъ, понятія отличаются отъ понятій германцевъ. Мы называемъ военными трофеями знамена, пушки, оружіе, взятое въ храброе сраженіи. Они называютъ военными трофеями добро, награбленное у беззащитныхъ людей. Ученое германское воровство имѣетъ двойное преимущество: оно доходно и не представляетъ опасности.

Въ Шампани вино текло рѣкою и опьяненные Тевтоны множили ужасы; потомъ они снова вернулись къ войнѣ, обезчещенной возвратомъ къ первоначальной дикости.

Nous pensions qu'après Louvain, les barbares ne pourraient pas, malgré leur rage de détruire, trouver le moyen d'inventer un crime égal à celui là. Nous savons bien que Senlis, Laon, Soissons, S-t Quentin, Arras et bien d'autres centres ont été ruinés; mais cela ne suffisait pas à assouvir leur férocité.

Après un sanglant combat, les allemands entrent à Reims, berceau de notre histoire. Bientôt ils en sont chassés et l'on a pu croire la cité sauvée. Mais les fuyards occupent au nord les hauteurs de Nogent l'Abbesse.

Alors, éxaspérés par le spectre de la défaite qui plane sur leurs rangs décimés, le plus effroyable des forfaits germe dans leur cerveau.

Le vieux Dieu de Germanie, l'inspirateur de Guillaume; celui qu'il prie, qu'il implore, qu'il soit Odin ou Satan en personne; cette idole dont il a invoqué le nom, lui inspire un crime de plus, un crime monstrueux. Au loin, la vielle cité rémoise apparaît dans toute sa splendeur et sa majesté. Elle apparaît aux yeux de celui qui la condamne à mort et qui va en faire un amas de ruines.

Il s'est trouvé un misérable pour commettre un tel attentat, non pas seulement contre la France, mais contre le monde entier.

Les bombardements successifs de Reims ont duré six semaines. Leur intensité a été terrible pendant les journées des 18 et 19 Septembre qui ont vu pleuvoir quinze cents obus, sans compter les grenades incendiaires, plus spécialement dirigés contre cette admirable cathédrale, joyau d'architecture, qui faisait l'admiration de l'Univers. Cependant le drapeau de la croix rouge flottait au sommet du sanctuaire: cependant sous ses voûtes gisaient de nombreux blessés allemands. Mais rien n'arrête les sinistres destructeurs, ils s'acharnent sur la Victime innocente. Leur joie de nuire, elle est là, saisie dans toute son horreur imbécile, s'appliquant à ne rien laisser debout des pierres séculaires et sacrées que, pour leurs splendeurs d'art, le monde vénère!

Les insignes de la croix rouge surmontant la basilique brûlent: le feu allemand se communique à la paille et grille les blessés allemands; la flèche, la colossale toiture s'effondre; la charpente se transforme en brasier; les vitraux crépitent; les murailles gigantesques et le sol qui

Мы думали, что послѣ Лувэна варвары, несмотря на ихъ страсть къ разрушенію, не смогутъ выдумать способа совершить преступленіе, равное этому. Мы прекрасно знаемъ, что Санлисъ, Лаонъ, Суассонъ, Сень-Кентэнъ, Аррасъ и много другихъ городовъ превращены въ развалины; но этого было недостаточно, чтобы насытить свирѣпость Германцевъ.

Послѣ кровавой битвы, они вступаютъ въ Реймсъ, колыбель нашей исторіи. Однако, скоро они были изгнаны оттуда, и можно было думать, что городъ спасенъ.

Но бѣглецы занимаютъ на сѣверѣ Ножанъ-Абесскія высоты, и въ отчаяніи передъ призракомъ пораженія, который вѣетъ надъ ихъ порѣдѣвшими рядами, они задумываютъ самое ужасное изъ преступленій.

Старый германскій богъ, вдохновитель Вильгельма, тотъ, кому онъ молится, кого умоляетъ, будь то Одинъ или самъ Сатана, этотъ идолъ, имя котораго онъ призываетъ, внушаетъ ему еще одно злодѣйство, злодѣйство чудовищное. Вдали, во всей своей красѣ и величіи, виденъ древній Реймсъ; онъ лежитъ передъ глазами того, кто приговорилъ его къ смерти, и хочетъ обратить его въ груды развалинъ.

Нашелся злодѣй, чтобы совершить такое преступленіе, не противъ Франціи только, но противъ всего міра.

Послѣдовательная бомбардировка Реймса продолжалась шесть недѣль. Ея сила была ужасна 18-го и 19-го Сентября, когда было выпущено полторы тысячи снарядовъ, не считая зажигательныхъ гранатъ, направленныхъ главнымъ образомъ противъ замѣчательнаго собора, драгоценности архитектуры, которымъ восхищался весь міръ. Пусть на верху святилища развѣвалось знамя краснаго креста; пусть подъ его сводами лежали многочисленные германскіе раненые—ничто не останавливаетъ мрачныхъ истребителей, они свирѣпствуютъ надъ неповинной жертвой. Ихъ страсть вредить, она вся здѣсь, во всемъ своемъ глупомъ ужасѣ, стремящаяся ничего не оставить отъ вѣковыхъ и священныхъ камней, которые вселенная почитаетъ за ихъ красоту!

Горить знаки краснаго креста на верху храма; германскій огонь переходитъ на солому и поджариваетъ германскихъ раненыхъ; шпиль, огромная крыша проваливаются; строила становятся жаровней; стекла

les porte tremblent, les dentelles et les fleurs de pierre volent en éclats; les innombrables, les admirables statues du Christ, de la Vierge, des anges, des saints, des Rois sont mutilées, décapitées; le bruit de ce tumulte gronde comme le tonnerre qui accompagne les éclairs de l'incendie. Dans le terrible foyer ardent, les cloches laissent échapper un suprême gémississement, puis elles fondent et ces chantres aériens laissent tomber de leurs entrailles des gouttes d'airain, telles des larmes!

Vous imaginez vous, Messieurs, ce qu'a dû être le long martyre, la cruelle agonie de ce monument de beauté de cette victime innocente? Martyre semblable à celui de notre Jeanne d'Arc qui elle aussi a péri par le feu et dans les flammes.

Tous les monuments de Reims étaient l'objectif de cet infâme bombardement dirigé contre tout ce qui incarnait la glorification de notre histoire nationale. Les boureaux de la cathédrale ont voulu, en la supprimant, anéantir l'histoire de la France. On ne détruit pas l'histoire à coups d'obus. Sachez le bien, savants d'outre Rhin, vous complices de votre militarisme tombé dans la barbarie la plus abjecte!

Berlin se réjouit, illumine, crie victoire, parce que Reims est en deuil! Mais la France, l'Europe civilisée elles aussi sont en deuil, car elles ont perdu à tout jamais des merveilles de l'art qui représentaient le triomphe de la beauté sorti des mains de l'homme.

Que Moscou envoie à la Moscou française, à la vieille métropole de Reims, un baiser de confraternité émue pour lui témoigner sa compassion, pour la soutenir dans l'épreuve cruelle et lui donner l'assurance qu'on saura la venger.

Le serment de l'Académicien Henri de Regnier est bien celui de la France entière, le voici:

«Je jure de garder dans mon coeur cette haine
jusqu'à son dernier battement;
Que son venin sacré se mêle dans ma veine
à chaque goutte de mon sang!

«Que l'on voie à jamais sur mon sombre visage
Sa rude ride sans pardon
Se creuser dans ma chair pour y dire l'outrage
Dont elle marque le sillon!

трескаются; гигантскія стѣны и поддерживающая ихъ земля дрожатъ; кружева и цвѣты изъ камня разсыпаются на куски; безчисленныя, прекрасныя статуи Христа, Святой Дѣвы, ангеловъ, святыхъ, королей обезображены; шумъ этого смятенія гремитъ, какъ громъ, сопровождая молніи пожара. Въ этомъ ужасномъ пылающемъ кострѣ колокола испускаютъ послѣдній стонъ; они расплавляются; эти воздушныя пѣвцы роняютъ изъ своихъ нѣдръ капли бронзы, подобныя слезамъ!

Представляете ли вы, господа, какова должна была быть долгая пытка, жестокая гибель этого памятника красоты, этой неповинной жертвы? Пытка, подобная пыткамъ нашей Жанны д'Аркъ, которая также погибла въ огняхъ и пламени.

Всѣ памятники Реймса были цѣлью этой постыдной бомбардировки, направленной противъ всего, что воплощало прославленіе нашей національной исторіи. Палачи собора хотѣли, уничтожая его, уничтожить исторію Франціи. Но исторію не уничтожить снарядами. Знайте это, ученые изъ-за Рейна, вы, соучастники вашей солдатчины, впадшей въ самое отвратительное варварство!

Берлинъ радуется, плюминуется, празднуетъ побѣду, потому что Реймсъ въ траурѣ! Но Франція, но цивилизованная Европа, онѣ тоже въ траурѣ, ибо онѣ навсегда потеряли чудеса искусства, которыя представляли славу красоты, вышедшей изъ рукъ человѣка!

Пусть же Москва пошлетъ французской Москвѣ, древней столицѣ— Реймсу свой взволнованный братскій поцѣлуй, чтобы выразить ему свое сочувствіе, чтобы поддержать его въ жестокомъ испытаніи, и дать ему увѣренность, что за него сумѣютъ отомстить.

Клятва академика Анри де Ренье есть вполнѣ клятва всей Франціи. Вотъ она:

«Я клянусь хранить эту ненависть въ моемъ сердцѣ
До его послѣдняго бѣнья;
Пусть ея священный ядъ смѣшается въ моихъ жилахъ
Съ каждой каплей моей крови!

«Пусть всегда видать на моемъ мрачномъ лицѣ
Жестокою, непрощающую морщину,
Врѣзающуюся въ мое тѣло, чтобы рассказать объ оскорбленіи,
Слѣды котораго она отмѣчаетъ!

«Par mes champs dévastés, par mes villes en flâmmes,
Par mes otages fusillés,
Par le cri des enfants massacrés et des femmes,
Par mes fils tombés par milliers,

«Je jure de venger le droit et la justice,
De vaincre ou de mourir pour eux,
Moi la France, et je veux que ma voix retentisse
au coeur de mes morts valeureux!

«Et ce double serment de colère et de haine,
En face du ciel, je le fais,
Devant les saintes eaux de la Marne et de l'Aisne,
Rouges encore du sang français!

«Tandis qu'éblouissante et sacrilège torche
Je regarde avec un frisson,
Reims, ta sublime nef du chevet jusqu'au porche
Qui brûle et croule à l'horizon!»

Que de tristesses! Que de ruines! Que d'atrocités! Que de crimes j'ai évoqué devant vous. En le faisant, j'ai poussé des cris d'horreur et d'indignation, j'ai laissé libre cours à ma douleur qui est celle de la Belgique et de la France.

Avant de terminer, je dirai bien haut que ces deux nations éprouvées cruellement sont fortes par leur espérance et fortifiées par la vôtre; Elles sont fières d'être avec vous.

Le sang généreux versé pour la même cause aux deux extrémités de l'Europe est la consécration la plus solennelle de l'union intime de nos peuples; union sacrée, union dont l'honneur fait la beauté, dont l'espoir fait la force; union aujourd'hui féconde, demain immortalisée dans la gloire!

Un des sombres et premiers jours de l'invasion de notre sol, le coeur serré, les larmes dans les yeux, je songeais ici à ce qui se passait là bas. La tristesse m'étraignait. Tout à coup, pour secouer ma torpeur, je dirigeai les regards vers la fenêtre de ma chambre. Le plus imposant spectacle s'offrit à moi. Le ciel était encore chargé d'orage, mais à l'horizon vos adorables coupoles du Kremlin brillaient dans toute leur splendeur et, comme pour rendre ce spectacle plus émouvant, un arc en ciel gigantesque, irradiant ses couleurs, encadrait les innombrables croix d'or. Il me sembla que cet arc en ciel étendait ses rayons d'espérance de Russie jusqu'en France et que cette apparition était un symbole. Il me sembla que, par un mirage miraculeux, de votre ciel vers notre ciel, s'étendait la vision de l'arc consolateur—vision prophétique annonçant l'aurore prochaine de la gloire et de la victoire.

«Моими опустошенными полями, моими городами въ огнѣ,
 Моими разстрѣлянными заложниками,
 Криками убиваемыхъ дѣтей и женщинъ,
 Тысячами моихъ погибшихъ сыновъ,

«Я клянусь отомстить за право и справедливость,
 Побѣдить или умереть за нихъ,
 Я—Франція, и я хочу, чтобы мой голосъ отозвался
 Въ сердцахъ моихъ доблестныхъ мертвыхъ!

«И эту двойную клятву гнѣва и ненависти
 Я приношу передъ лицомъ неба,
 Передъ святыми струями Марны и Эна,
 Еще красными отъ французской крови!

«Между тѣмъ, какъ я вижу съ трепетомъ
 Ослѣпительный и святотатный факель—
 Твой божественный соборъ, о Реймсъ, который съ вершины до основаній
 Горить и рушится на горизонтѣ!»

Сколько печали, сколько развалинъ, сколько ужасовъ, сколько преступленій вызвалъ я передъ вами! Дѣлая это, я испускалъ крикъ ужаса и негодованія, я далъ полную свободу моему горю, которое есть горе Бельгii и Франціи.

Передъ тѣмъ, какъ кончить, я громко скажу, что два эти народа, перенесшіе жестокія испытанія, сильны надеждою своею и укрѣплены вашей; они гордятся быть съ вами.

Благородная кровь, проливаемая за то же дѣло на двухъ концахъ Европы, есть самое торжественное освященіе тѣснаго союза нашихъ народовъ; союза священнаго, которому честь даетъ красоту, которому надежда даетъ силу; союза, нынѣ плодотворнаго, которому завтра слава дастъ безсмертіе!

Въ одинъ изъ первыхъ мрачныхъ дней нашествія на нашу землю, я, съ тяжелымъ сердцемъ, со слезами на глазахъ, думалъ о томъ, что происходитъ тамъ. Печаль давила меня. Вдругъ, чтобы разогнать мое оцѣпенѣніе, я направилъ взоръ къ окну моей комнаты. Величавое зрѣлище представилось мнѣ. Небо было еще покрыто грозовыми тучами, но на горизонтѣ ваши чудные Кремлевскіе купола сіяли во всемъ блескѣ, и, какъ будто, чтобы сдѣлать это зрѣлище еще болѣе волнующимъ, огромная радуга, сіяя красками, обрамляла безчисленные золотые кресты. Мнѣ показалось, что эта радуга простирала лучи надежды Россіи до Франціи, и что это явленіе было символомъ. Мнѣ показалось, что чудеснымъ призракомъ, съ неба вашего на небо наше, простиралось видѣніе радуги утѣшительницы,—видѣніе пророческое, возвѣщающее скорую зарю славы и побѣды.

Par de là les régions déchirées par la guerre, envoyez, Messieurs, de Russie jusqu'en France les échos de ce chant cher à nos coeurs, de ce chant qui incarne: .

Votre foi—Votre force—Votre espoir—

Boge Tzaria krani!

Baron de Baye.

Москва, 29 октября/11 ноября 1914.

Черезъ мѣста, раздираемая войною, пошлите же, господа, изъ Россіи во Францію эхо той дорогой нашимъ сердцамъ пѣсни, которая воплощаетъ:

вашу вѣру, вашу силу, вашу надежду:

Боже, Царя храни!

Баронъ де Бай.

Москва, 29 окт./11 ноября 1914.

